

Памяти Владимира Эммануиловича Шляпентоха (1926-2015)

Краткий рассказ о жизни и работе Владимира Эммануиловича Шляпентоха

Ключевые слова: Володя Шляпентох, социологические исследования, СССР, Россия, США

Борис Докторов

Вторая половина 2015 года оказалась весьма драматичной для российского социологического сообщества. 2 июля умер Владимир Александрович Ядов, 13 сентября — Самуил Аронович Кутель и 6 октября — Владимир Эммануилович Шляпентох. Каждый из них прожил долгую жизнь, каждый оставил нам высоко оцененные специалистами работы. И еще одно принципиальное обстоятельство объединяет их; они — из первого послевоенного поколения российских социологов. Их всегда было мало, осталось — совсем мало...

Этот текст — мой отклик на смерть Владимира Шляпентоха, но я не строю его в традициях написания некрологов. Мои многолетние и открытые отношения с ним подсказывают мне, что он противился бы этому и нашел бы массу аргументов, — а полемистом он был первоклассным — почему этого не стоит делать. Мне ближе жанр историко-биографического анализа жизни и деятельности социологов. С одной стороны, он обязывает автора придерживаться определенных канонов, но, с другой, — предоставляет ему достаточную свободу в определении содержания и стиля повествования.

Написание биографии — это всегда общение со своим героем. Когда размышляешь о жизни человека, которого не видел, не знал, которому не смотрел в глаза и рукопожатия которого не помнишь, то общение с ним сводится к мысленному диалогу. Если же героем историко-биографического изучения является человек, которого знал долгие годы, с которым обсуждал профессиональные и житейские проблемы, с которым встречался на работе и в его доме, если видишь его глаза, слышишь его голос и помнишь тепло его рук, то работа над биографией превращается в сложный, очень интимный мысленно-чувственный диалог; в своего рода воспоминание-размышление, в котором доминирует сложившееся годами отношение к этому человеку. Мне приходилось писать о Грушине, Здромысловце, Кутеле, Ядове при их жизни и после их смерти. Переживаешь абсолютно разные ощущения. В первом случае имеешь дело собственно с биографией, во втором — с постбиографией, как бы прикасаешься к судьбе человека.

Основой этого текста является интервью со Шляпентохом, проведенное мною в 2006 году. Оно оказалось объемным, около 3,5 авторских листов; два сокращенных варианта текста были опубликованы в том же году в журналах «Телескоп» (№6) и «Социальная реальность» (№12), а полный текст был включен в книгу важнейших работ Шляпентоха, изданных в СССР до его эмиграции. Книгу «Проблемы качества социологической информации» [1] собрал, отредактировал и издал Франц Шереги; на мой взгляд, публикация этой книги ознаменовала возвращение Шляпентоха в российскую социологию.

Друзья и добрые коллеги всегда обращались к Шляпентоху по имени — Володя, и здесь буду следовать этой традиции. Полный текст нашего интервью Володя озаглавил «Социолог: здесь и там», отмечая тем самым, что оно охватывает периоды его жизни в СССР и США [2]. Я сразу обратил его внимание на неопределенность слов «здесь» и «там»; все зависит от того, откуда смотреть. Но Володя, «парадоксов друг», именно этого и хотел. Заголовок настоящего текста — своего рода переключка с заголовком того интервью, и одна из целей рассмотрения биографии Шляпентоха — показать, что, хотя последние три с половиной десятилетия его жизни прошли в Америке, из отечественной социологии он никуда не уезжал.

Но начну с двух «портретных» зарисовок.

Лето конца 1960-х. Математик Елена Петренко решила поступать в аспирантуру не известного ей Института конкретных социологических исследований АН СССР по какой-то туманной науке — социологии. Ее наставник по Институту проблем управления Илья Мучник, который настороженно отнесся к этому ее сообщению, звонит ей вечером одного дня и просит завтра в 9 утра быть на работе и сразу позвонить по сообщенному ей телефону. Она так и сделала. Далее — цитирую наше интервью с Петренко: «Леночка?! — услышала в трубке игривый мужской голос. — Буду через 10 минут. Кто будет? С какой стати будет? И зачем будет? Я понятия не имела. Пришел Мучник, а через 10 минут влетел-ворвался-вбежал плотный, ярко-рыжий и лысый в то же время мужчина — Владимир Эммануилович Шляпентох, который моментально привлек Илью к обсуждению какой-то статистики, затем темпераментно обрисовал увлекательнейшие перспективы занятия социологией и особенно — выборкой, несколько раз объявил, что Леночке надо обязательно поехать в Академгородок, подружиться с Таней Заславской, и... внезапно распрощавшись, скрылся за дверью» [3].

Я познакомился со Шляпентохом в самом начале 1970-х, встречался с ним в Москве и в Ленинграде, и могу определенно сказать, что портрет Шляпентоха, написанный Петренко, удивительно точен.

А вот — еще одна зарисовка, ее автор — педагог, журналист и пианист Азарий Мессерер, подружившийся с Володей во Флориде, где в последние годы Шляпентох проводил значительную часть времени. Именно от Мессерера 5 октября этого года, около 7 часов вечера по тихоокеанскому времени (в Москве была ночь с 5 на 6 октября) я получил эйэл со словами: «Sad news! Володя умер. Светлая ему память!»

А через несколько дней Мессерер написал заметку о Шляпентохе, назвав ее: «Памяти истинного интеллигента». В ней — о многом, в том числе — о семинаре, который Володя проводил у себя в доме, о его любви к кино, о посещении с друзьями французского ресторана, где он с удовольствием общался по-французски с хозяйкой. «Впрочем, — пишет Мессерер — чаще всего мы с Володей толковали о музыке. В кабинете его всегда звучала классическая музыка».

Так случилось, что, несмотря на постоянное общение со Шляпентохом, которое началось через несколько дней после моего приезда в США в апреле 1994 года, последний раз мы виделись с ним на рубеже 1980-х и 1990-х на одном из семинаров в Ленинграде. Он тогда лишь начинал осваивать новую советскую реальность. В Америке мы часто, особенно в последние годы, созванивались, и обычно в самом начале телефонного разговора, вне зависимости от того, кто кому звонил, я слышал в трубке музыку и Володины слова: «Подожди, я приглушу музыку». Любовь к классической музыке прошла через всю его жизнь.

Траекторию жизни Шляпентоха можно задать следующими опорными точками. Он родился в Киеве в 1926 году в интеллигентной еврейской семье. Его дед по материнской линии до революции был владельцем нескольких аптек, а родители отца были домовладельцами. Революция, отмечал Володя, стала для них катастрофой. При этом две его тети были в 20-е годы яростными большевиками, покинувшими отчий «буржуазный»

дом в 30-е годы, и тема репрессий явно присутствовала во внутреннем семейном общении.

Мать получила консерваторское образование и стала преподавателем фортепиано, отец был врачом. В семье был культ иностранных языков и музыки. И это — на всю жизнь. Шляпентох знал около десяти языков. В 24 года у Шляпентоха было два высших образования: историческое и статистическое, но «пятый пункт» не позволил ему получить работу в Киеве. Три года он преподавал статистику в одном из техникумов Сталинградской области, потом около десяти лет в саратовском зооветеринарном и сельскохозяйственном институтах. Лишь в начале 60-х его взяли преподавать статистику и историю экономических учений в Новосибирском университете. Однако, работая долго в провинциальных ВУЗах, он без аспирантуры в 1956 году стал кандидатом экономических наук и через десять лет — доктором. Обе работы защищались им в головных институтах: кандидатская, о мальтузианстве, в Институте экономики АН СССР, докторская «Эконометрика в западной экономической науке» — в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

В социологию Владимир Шляпентох пришел будучи доктором наук: замечу, не единственный, но крайне редкий случай. В начале 60-х в СССР стали проводиться социологические исследования, формировалось социологическое профессиональное сообщество, и Шляпентох с полным правом можно отнести к узкой группе ученых, стоявших у истоков современной российской социологии. В 1962-1969 года он работал в Новосибирском университете, а с 1969 года до эмиграции в 1979 году — в Институте социологических исследований АН СССР в Москве.

В 1973 году после разгрома института, учиненного М.Н. Руткевичем, Шляпентох оказался в секторе методики социологических исследований, руководимом А.Г. Здравомысловым. По воспоминаниям Володи: «В то время все, кто могли — Левада, Шубкин, Грушин и другие, находили убежище в других академических учреждениях. Я, несмотря на все мои попытки, очевидно, в силу государственной антисемитской политики и моей беспартийности, возможно из-за моего досье...<...> согласился на работу в секторе методики. <...> Вокруг меня в институте сложилась группа молодых сотрудников и чужих аспирантов, которая помогла мне пережить неприятные времена и заниматься профессиональной социологией. Думаю, что методика была единственной сферой, в которой я мог заниматься и творчески, и честно. Другое дело, что методика была уже для меня скучна».

Уже на первых курсах университета — 1947-1948 годах — у Володи сложилось резко отрицательное отношение к системе и к Сталину, и его смерть он воспринял с радостью. Подобно большинству социологов первого поколения, он считал себя «шестидесятником», хотя никаких иллюзий насчет советской системы у него не было даже после 20 съезда КПСС (1956 г.), который он встретил с восторгом. Он твердо исходил из того, что социализм, существовавший в СССР, был «истинным» и другим по сути он быть не мог, хотя в 60-ые годы надеялся на его смягчение.

Достаточно подробно обсуждалась в интервью тема его эмиграции, уже мой первый вопрос был весьма многоплановым: «Ты уезжал из СССР, когда это еще не было массовым явлением. Когда и в силу каких обстоятельств ты стал думать об эмиграции? Что в конце концов заставило тебя принять это решение? Ты сразу ориентировался на Америку? Ведь были варианты: Израиль, Германия, Канада».

Суть ответа Шляпентоха можно сформулировать следующим образом. По его мнению, во второй половине 70-ых эмиграция уже была массовой, и он ощущал, что непросто долго не решался реализовать свою мечту студенческих лет 1948-1949, когда оформилась его неприязнь советской системы как тоталитарной и антисемитской. Четыре причины опре-

деляли его желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для его детей и 4) вечный страх КГБ.

Возможность самовыражения, желание заниматься интеллектуальной творческой работой была для Шляпентоха одной из высших жизненных ценностей, и это определило его решение ехать не в Израиль, а в Америку, где было больше возможностей использовать свой профессиональный опыт и способности.

В короткой статье нет возможности для обозрения исследовательской и преподавательской деятельности Володи в Америке. Тем не менее, отмечу, что за последнюю четверть прошлого столетия минимум два десятка советских социологов эмигрировали в США. Некоторые из них многие годы успешно работали в СССР, но, приехав в Америку, отошли от социологии. Есть такие, кто оставил Союз в начале своей научной карьеры, не успев получить на родине признание в среде специалистов, но смогли успешно вписаться в американскую науку. И, похоже, лишь Шляпентох, если иметь в виду послевоенное время, действительно, был и советским, и американским социологом.

Можно, пусть и условно, говорить о трех этапах участия Шляпентоха в анализе советского и постсоветского общества и развития российской социологии. Первый этап: начало 1960-х — 1979 гг. — это годы работы в Новосибирске и Москве. Второй этап: первые годы эмиграции до начала перестройки; исследование проблем советского общества и изучение истории советской социологии фактически вне контактов с советскими коллегами. Третий этап: вторая половина 1980-х — 2015 год: изучение российского общества, включающее в себя посещение России и прямые контакты с российскими социологами.

В течение первого этапа Шляпентохом было проведено крупномасштабное исследование читателей центральных газет («Труд», «Известия», «ЛГ» и «Правда»), ставшее первым в СССР изучением процесса формирования общественного мнения по обоснованной территориальной выборке, репрезентирующей взрослое население страны. Кроме того, Шляпентох одним из первых в СССР стал целенаправленно анализировать проблемы надежности, достоверности результатов социологических исследований, охватывая все этапы сбора и анализа данных. В эти годы им было опубликовано несколько книг, сыгравших заметную роль в познании коммуникационного поведения населения и деятельности журналистского корпуса, а также в повышении культуры проведения прикладных социологических исследований. Эмиграция Шляпентоха принципиально затруднила знакомство советских социологов с опубликованными им работами, его книги стали труднодоступными в библиотеках, и действовал запрет (иногда нарушавшийся авторами) на их цитирование. Повторю, благодаря изданию книги «Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал», с методолого-методическими разработками Шляпентоха, теперь могут ознакомиться новые поколения российских социологов.

Наибольшей популярностью пользовалась книга Шляпентоха «Социология для всех», увидевшая свет в 1970 году [4]. Она познакомила советскую интеллигенцию с возможностями и методами социологии, интерес к которой и надежды на которую в те годы были очень высокими. Через 35 лет после рождения книги (в нашем интервью) Володя говорил, что он обращался в ней к двум адресатам: начальству и либеральной интеллигенции, и свою главную задачу он видел не столько в популяризации своей любимой науки, сколько в защите ее, еще слабое дитя, от насильников, бродивших толпами в коридорах власти и внушавших начальству, что добра от этой науки не будет. Он ставил под сомнение идеологизированное положение марксизма о том что «теория — это все», а «эмпирика» — дело второстепенное. Но как бы не был важен первый адрес, именно второй был главным источником Володиного вдохновения.

Ему хотелось подбодрить любимую им либеральную интеллигенцию вызовом, пусть и очень скромным.

Все участники создания книги очень гордились тем, что она была мгновенно продана и что — великая честь — продавалась на «черном рынке», чуть ли ни за 3 рубля или даже дороже при официальной цене — 66 копеек. А вот какими словами завершался рассказ Шляпентоха о рассматриваемой книге: «За мою долгую жизнь я издал в СССР и США чуть ли не три десятка книг. Однако ни одна из них не принесла мне столько радости, столько откликов читателей, столько заявлений о том, что она повлияла на выбор профессии, как эта книга. Спасибо ей».

Прав был Володя, приведу выдержки из двух интервью с действующими социологами. Сначала — фрагмент воспоминаний академика РАН Михаила Горшкова, они относятся к тому периоду, когда он работал заведующим студотделом Свердловского РК ВЛКСМ: «Чем больше я тягивался в работу с молодежью, тем все интереснее становилось познавать глубины молодежной психологии, больших социальных общностей в целом. Я стал понимать, что только через канал обычного человеческого общения до сути интересующих меня вещей дойти сложно. Начал читать научную литературу <...>. Социальная проблематика становилась все более интересной после того, как в руки попала книга В. Шляпентоха «Социология для всех». Появилось углубленное желание узнать, что такое прикладные социологические исследования, и как они проводятся».

А теперь — описание своего пути в социологию профессора Уральского университета Анны Багировой, в 1990 году закончившей школу: «... выбор профессии во многом оказался случайным: социология тогда вдруг стала очень актуальной, «модной» наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске (а это всего час лета от Магнитогорска) и т.д. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась «Социология для всех» В.Э. Шляпентоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность «Прикладная социология» Уральского государственного университета».

Еще предстоит тщательно проанализировать работы Шляпентоха, выполненные и опубликованные им в первые годы жизни в Америке, но очевидно, что жизнь советского общества была одним, возможно — главным, фокусом его исследований. В доказательство приведу лишь название нескольких его книг, над которыми он работал в годы предшествующие перестройке и опубликованные в первые постперестроечные годы: «Love, Marriage, and Friendship in the Soviet Union» (1984), «Evolution of the Soviet Sociology of Work: From Ideology to Pragmatism» (1985), «Soviet Public Opinion and Ideology» (1986), «Soviet Ideologies in the Period of Glasnost» (1988).

Но особо отмечу книгу Шляпентоха о политике советского государства по отношению к социологии, вышедшую в 1987 году [5]. Это первый опыт анализа послевоенной истории советской социологии за весь период ее существования: с 1958 по 1986 годы. Два обстоятельства делают эту книгу весьма значимым вкладом в историографию нашей науки. Первое, она написана историком по базовому образованию, владеющим методологией исторического анализа и навыками работы с документами. На мой взгляд, Шляпентоху удалось успешно, содержательно и обосновано вписать развитие социологии в общий социально-политический контекст жизни советского общества. Второе, ее писал не человек со стороны, а человек, наблюдавший значительный отрезок истории нашей науки изнутри, знавший лично многих ее героев и участвовавший во многих описываемых событиях. Конечно, можно сказать, что зачастую автор субъективен, односторонне подходит к оценкам прошлого, но это — не специфика собственно его исторического повествования; все исторические сочинения — «автор-

ские».

Третий этап — весьма продолжительный, порядка двух десятилетий, и многоаспектный. Шляпентох читал разные курсы о России и российской социологии своим студентам, участвовал в форумах по России и Восточной Европе, пристально следил за состоянием общественного мнения в России и методологией российских опросов, неоднократно бывал в России и выступал на семинарах в академических и независимых исследовательских центрах и т.д. Важной сферой его деятельности были публикации в ведущих американских газетах. «Пик этой деятельности — писал Шляпентох в интервью, — пришелся на вторую половину 1980-х гг. (период перестройки), когда я, публикуя статью один раз в два месяца, а то и чаще, был, вероятно, чемпионом среди всех ученых в социальных науках Америки».

2-4 ноября 1994 года Шляпентох вместе со своим коллегой по Университету штата Мичиган Кристофером Вандерпулом провели международную конференцию «Новая элита в посткоммунистическом мире», на которой выступило несколько российских социологов, не только из центра (Б. Грушин, О. Крыштановская, Ю. Левада, В. Шубкин), но и ученые из регионов. Я входил в группу редакторов книги, вышедшей по итогам конференции [6], и помню, как щепетильно относился Володя к отбору материалов и подготовки их к печати. Многое затруднялось тем, что в то время лишь несколько российских участников конференции пользовались электронной почтой, так что, не имея возможности связаться с ними, нам приходилось детально обсуждать, что имел в виду автор, когда делал то или иное утверждение. По-видимому, тогда между нами возникло ощущение взаимопонимания, определившее характер нашего последующего общения.

Очень важной для понимания биографии Шляпентоха и его творчества является книга «Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом» (2003). О дружбе он вспоминал в интервью, обращаясь к детским годам: «Мое детство пришлось на самый жуткий период советской истории — 30-ые годы и окончилось с началом войны. Несмотря на раннюю смерть моего отца, детство было счастливым. Важным его элементом был мой сплоченный класс в школе. Дружба с многими моими одноклассниками — мы учились вместе по седьмой класс — была важной для меня всю мою жизнь». О чувстве страха был отдельный вопрос: «Одним из лейтмотивов твоей книги «Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом» является страх перед КГБ, в ней есть такие слова: «Страх перед КГБ висел над нами всегда и во всем...» Этот страх — нечто индивидуальное или его испытывали многие представители твоего поколения?» Приведу полный ответ, он — короткий: «Страх был доминирующим элементом советского общества в сталинский период. Тогда вся интеллигенция и партаппарат, а также крестьяне изнывали от страха, как и, хотя в меньшей степени, все остальное население».

Книга о страхе и дружбе — очень, личная, своего рода мемуары, и одновременно — профессиональная, в ней отчетливо видна связь личного жизненного опыта исследователя и некоторых элементов методологии его исследований. В данном случае — переживание своего опыта жизни в эпоху сталинизма и анализ сознания отдельных групп населения в сталинский период. Книга, в моем понимании, ярко иллюстрирует справедливость тезиса о биографичности социологического творчества.

Пост Шляпентоха от 25 марта 2015 можно рассматривать как подведение итогов своей более чем полувековой работы по главному в его жизни исследовательскому направлению — изучению советского и постсоветского общественного мнения. Насколько емкими, искренними были — теперь мы понимаем — его прощальные слова: «Судьба была милостива ко мне, позволив принять участие в создании эмпирической социологии в СССР и в организации первых исследований общественного

мнения, которые тогда в СССР были важнейшей частью рождавшейся социологии. <...> Мы надеялись, что результаты этих опросов заставят руководство страны, для их собственной пользы, согласиться с нами, и что регулярное изучение общественного мнения жизненно необходимо государству для укрепления его авторитета и мощи, для решения как внутренних, так и внешних политических проблем. <...> Энтузиазм первых исследователей общественного мнения и массы молодых людей, жаждавших участвовать в великом проекте либерализации общества с помощью социологии, был глубоко альтруистичным. <...> К нам в Академгородок Новосибирска приезжали молодые люди из разных мест, даже из Ленинграда, без всяких надежд на жилье только для того, чтобы приобщиться к нашему проекту по изучению аудитории центральных газет. <...> Их увлеченность общественным мнением, их почти религиозная преданность их руководителю была безмерна и сохранилась до конца их жизни».

В заключение еще об одной тесной, интимной связи Шляпентоха с Россией, с российской социологией. Речь идет о его отношении к коллегам-друзьям, среди которых были социологи разных поколений, но особенно тесным всегда было его общение с социологами первого призыва. О них он писал в «Социологии для всех» и в американской книге по истории российской социологии. Много теплых слов о Грушине, Леваде, Ядове, Шубкине в нашем интервью.

Мой последний телефонный разговор со Шляпентохом со-

стоялся в начале августа. Я знал, что он — болен. Сначала я говорил с его женой, затем она сказала, что Володя хочет поговорить со мной. По-моему, он задал мне всего один вопрос: «Как Володя?». Мне было понятно, речь о Ядове. Я сказал, что Володи уже нет... никакой реакции Шляпентоха не последовало, но его мысли мне были понятны.

Вот не стало и Владимира Шляпентоха...

1. Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования. 2006.
2. Шляпентох В. Социолог: здесь и там. В кн. : Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. С. 598 — 658. <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=42>
3. Петренко Е.С. «Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...» <http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&ret=206&id=28/>
4. Шляпентох В.Э. Социология для всех. Некоторые проблемы, результаты, методы. М.: Сов. Россия, 1970.
5. Shlapentokh V. «The Politics of Sociology in the Soviet Union». Boulder: Westview Press, 1987.
6. The New Elite In Post-Communist Eastern Europe // Edited by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, and B. Doktorov. Texas A&M University Press. 1999.